

СУФФИКСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Султонова Зулхумор Сабаттуллаевна
Преподаватель кафедры русского языка
и литературы Самаркандского государственного
педагогического института*

*Кенжаева Маишхура Бобомуродовна
Студентка 1 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация. В данной статье исследуется функциональный потенциал суффиксов субъективной оценки в современном русском языке. Анализирует механизмы трансформации денотативного значения слова под влиянием экспрессивных морфем. Основное внимание уделяется дихотомии «ласкательность – ирония» и роли контекста в реализации оценочного вектора. Рассматриваются взгляды классических лингвистов и современных исследователей на природу диминутивов.

Ключевые слова: морфология, экспрессивность, суффиксы, субъективная оценка, коннотация, диминутивы, прагматика.

Abstract. This article explores the functional potential of subjective evaluation suffixes in the modern Russian language. The author analyzes the mechanisms of transformation of the denotative meaning of a word under the influence of expressive morphemes. The main focus is on the dichotomy of «affection – irony» and the role of context in the realization of the evaluative vector. The views of classical linguists and modern researchers on the nature of diminutives are considered.

Keywords: morphology, expressiveness, suffixes, subjective evaluation, connotation, diminutives, pragmatics.

Феномен субъективной оценки в русской словообразовательной системе представляет собой уникальный лингвистический код, позволяющий транслировать не только физические параметры объекта, но и тончайшие нюансы эмоционального состояния говорящего. В отличие от многих западноевропейских языков, где категория оценки часто выносится на лексический уровень (использование прилагательных «маленький», «милый»), русский язык сохраняет мощный морфологический арсенал, заложенный в самой структуре слова. Суффикс здесь выступает не просто как строительный элемент, а как носитель модальности, способный полностью переформатировать прагматику высказывания. Обращаясь к истокам изучения данной проблемы, невозможно игнорировать труды Виноградова, который рассматривал

категорию оценки как проявление «живого пульса» языка. Он подчеркивал, что суффиксы -ок-, -ек-, -ик- и их производные не просто указывают на малый размер, но создают особую атмосферу интимности или, напротив, пренебрежения [1, с. 142]. Язык для Виноградова был подобен пластичной глине, где морфема служит инструментом скульптора, придающим сухому понятию живые, порой капризные очертания.

Суффиксы субъективной оценки (ССО) функционируют в двух основных плоскостях: мелиоративной (положительной) и пейоративной (отрицательной). Однако граница между ними крайне зыбка. Например, суффикс -ушк- в слове «долюшка» несет в себе глубокий пласт сочувствия и народной печали, в то время как в слове «старушка» он может колебаться от нежности до легкой брезгливости в зависимости от интенции автора. В разговорной речи ССО часто утрачивают свою первичную функцию указания на размер. Она приводит примеры, где «чаек» или «супчик» указывают не на объем порции, а на приглашение к соучастию, на попытку смягчить социальную дистанцию. В её интерпретации суффикс становится маркером «своего» пространства, где острые углы реальности сглаживаются за счет морфологического «уютта». Рассматривая литературный контекст, можно вспомнить, как мастерски использовал эти формы Гоголь. В его прозе суффиксы часто превращаются в инструмент гротеска. Гоголь «нанизывает» уменьшительные формы, создавая эффект удушливой, мещанской среды, где за внешним «сахарным» дружелюбием скрывается пустота. Суффиксы -еньк-, -оньк- у него не ласкают, а скорее препарируют реальность, обнажая её нелепость. Это подтверждает тезис о том, что семантика суффикса всегда контекстуально зависима.

Современная когнитивная лингвистика предлагает взглянуть на ССО как на средство концептуализации мира. Когда мы называем проблему «проблемкой», мы подсознательно пытаемся уменьшить её значимость, психологически доминировать над ситуацией. Суффикс здесь выполняет защитную функцию. Как указывает Шаховский в своих работах по лингвистике эмоций, эмоциональный дейксис, заключенный в суффиксе, позволяет говорящему выразить позицию без использования громоздких синтаксических конструкций [4, с. 56]. Это своего рода экономный код человеческой психики.

Особое место занимают увеличительные суффиксы, такие как -ищ-. Если диминутивы (уменьшительные) сужают пространство до контролируемого и безопасного, то аугментативы (увеличительные) раздвигают его, часто принося элемент восхищения или страха. Слово «домище» передает не только габариты, но и ощущение подавленности человека перед масштабом строения. В этом проявляется антропоцентричность языка: человек измеряет мир собой, и суффикс является той шкалой, по которой оценивается реальность. Интересно

проследить трансформацию этих морфем в языке интернета и современной медиакommunikации. Здесь наблюдается процесс «девальвации» ласкательности. Избыточное употребление суффиксов в коммерческих текстах («ноготочки», «скидочки») часто вызывает обратную реакцию — раздражение и отторжение. Критики современной речевой культуры указывают на то, что это ведет к инфантилизации дискурса. Вместо искренней эмоции суффикс становится манипулятивным инструментом, призванным создать иллюзию доверия там, где его нет. Суффиксы субъективной оценки — это не просто грамматическая категория, а сложный социально-психологический механизм. Они служат мостом между объективным миром и субъективным восприятием, позволяя языковой личности маркировать реальность в соответствии со своими ценностными ориентирами. В следующей части мы более подробно остановимся на механизмах формирования пейоративности и роли ССО в создании иронического подтекста.

В системе русского словообразования существует парадоксальная закономерность: морфема, предназначенная для выражения симпатии, в определенных прагматических условиях становится мощным орудием сарказма. Это явление можно определить как «семантическую инверсию», когда внешняя форма «малого» и «милого» используется для маркирования ничтожного, лицемерного или презираемого. Рассматривая суффиксы -ик-, -ок-, -чик- в контексте социальной иерархии, исследователь Панов отмечал, что их избыточность в речи подчиненного по отношению к начальнику или наоборот — в речи высокомерного функционера — создает эффект ложной вежливости. В таких случаях «директорчик» или «распоряженьице» звучат не ласково, а подчеркнуто пренебрежительно, лишая объект его официального статуса и веса [6, с. 182]. Пересказывая его наблюдения, можно прийти к выводу, что суффикс здесь выступает в роли увеличительного стекла, которое не приближает объект, а, напротив, отдаляет его, помещая в зону этической неполноценности.

Особый интерес представляет функционирование суффиксов субъективной оценки (ССО) в текстах Ф.М. Достоевского. Критики часто обращали внимание на так называемое «сюсюканье» его антигероев. Использование диминутивов персонажами вроде Лужина или Смердякова служит средством саморазоблачения. Через «денежки», «ножки», «билетики» проявляется их внутренняя ограниченность и лакейство духа. В художественном пересказе этой идеи суффикс становится «стилистической маской», за которой персонаж пытается скрыть хищную натуру, но лишь сильнее подчеркивает свою низость. Ласкательность здесь — это лишь тонкая глазурь на горькой пилюле цинизма. Обратимся к механизму функционирования суффиксов с сугубо негативной семантикой, таких как -ищ-, -л-, -к-. Если суффикс -ищ- (домище,

кулачище) работает с категорией физического или эмоционального объема, то суффикс -к- в именах собственных (Машка, Сашка) в современном языке претерпел сложную эволюцию. От сугубо уничижительного значения в древнерусских челобитных («холоп твой Ивашка») он перешел в разряд фамильярных, а зачастую и дружеских форм. Тем не менее, как указывает Земская, в официальном дискурсе сохранение этой формы остается маркером грубости и отсутствия культуры дистанции. Это подчеркивает социальную детерминированность ССО: их значение не статично, оно кристаллизуется в момент речевого акта.

Нельзя обойти вниманием и «жанровую» специфику суффиксов. В фольклоре и сказочном дискурсе ССО формируют сакральное пространство. «Травушка-муравушка», «солнышко», «березонька» — здесь суффикс выполняет функцию одушевления природы, установления родственных связей между человеком и мирозданием. Виноградов описывал это как «эстетическую антропоморфизацию», где морфема служит инструментом мифологического мышления. В этом контексте суффикс лишен иронии; он является формой заклания, оберега. Сравнение этой функции с современным рекламным дискурсом («молочко», «творожок») обнаруживает глубокий кризис искренности: то, что в фольклоре было актом веры, в маркетинге становится актом симуляции. Лингвист Максим Кронгауз в своих исследованиях «нервного состояния» современного языка подчеркивает, что экспансия уменьшительных форм в публичную сферу свидетельствует о коллективном стремлении к безопасности. Мы словно пытаемся «одомашнить» агрессивную среду, называя всё вокруг ласковыми именами. Однако этот процесс ведет к размыванию смысловых границ. Когда политические или экономические потрясения в медиа именуется «неувязочками» или «трудностями», происходит опасная эвфемизация реальности [5, с. 167]. Критическое осмысление этого процесса показывает, что ССО могут использоваться как средство психологической анестезии общества. С точки зрения когнитивистики, выбор конкретного суффикса — это всегда выбор траектории восприятия. Суффиксы субъективной оценки создают дополнительные когнитивные слои. Например, суффикс -онк- (душонка, книжонка) мгновенно включает категорию качественной недостаточности. В художественном пересказе литературоведческих споров вокруг поэзии «серебряного века» часто мелькает мысль, что использование подобных форм было способом борьбы с «высоким штилем», попыткой приземлить поэзию, вернуть её в лоно повседневности, пусть даже через эстетизацию безобразного

Суффиксы субъективной оценки в русском языке представляют собой автономную экспрессивную систему, обладающую высокой степенью

адаптивности. Их семантическая структура включает в себя не только оценочный компонент, но и мощный социальный код, регулирующий дистанцию и статусную иерархию участников коммуникации. Функциональный диапазон ССО простирается от создания атмосферы предельной интимности до генерации жесткого сарказма и гротеска. Морфологическое богатство русского языка в области субъективной оценки является зеркалом национальной ментальности, отражающим склонность к эмоциональной насыщенности диалога.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979. — 318 с.
4. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. — Волгоград: Перемена, 2008. — 408 с.
5. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. — М.: АСТ, 2013. — 416 с.
6. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 568 с.